

18+

*Устюгов
Валерий Васильевич*

ВОЙНА УМОВ

~ роман ~

*Таганай ~ Челябинск
2021 год*

Валерий Васильевич Устюгов

Война умов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63937531
ISBN 9785005320667*

Аннотация

Роман «Война Умов» отражает тот скрытый фантастический мир, где бьются столетиями силы Тьмы с воинами Света за души людей. Произведение «Война умов» и роман «Битва Интеллекта с Разумом» взаимно вложены и дополняют друг друга так, что дают возможность читателю более глубинно понять и осознать в себе отражение Времени земного пути Андрея Световита и его помогающих помощников.

Содержание

Война УМОВ	5
Предисловие	6
Глава 1. Преступный налёт недалёких	10
Глава 2. Нагнетание страхов	18
Глава 3. Без вины, виновность	23
Глава 4. На грани нервного срыва	28
Глава 5. Глубинное осознание творимого СС преступления	35
Глава 6. Новое поручение Бэлы	40
Глава 7. Нападение погонных службистов на подворье Каменного	45
Глава 8. Всегда есть выбор для спасения души	52
Глава 9. Очередное совещание службистов у генерала	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Война умов

Валерий Васильевич Устюгов

Редактор Светлана Михайловна Макеева

Корректор Диана Абделькадировна Ишемгулова

Дизайн Владислав Юрьевич Макеев

© Валерий Васильевич Устюгов, 2021

ISBN 978-5-0053-2066-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Война УМОВ

[роман]

Автор выражает признательность всем тем людям, которые в душевном сопряжении осознания Времени Перемен поддержали в порыве своей Души его скромные творческие начинания, взяв на себя технические вопросы издания книги. Особая благодарность народным инвесторам за их финансовый вклад, позволивший текстам книги обрести свет.

В. В. Устюгов
Челябинская область,
с. Злоказово,
21.12.2020 г.

© Устюгов В. В., 2021
ISBN

Предисловие

...Событийные фантастические ряды произведения созданы течением Времени Перемен в предрассветные часы Новой Космической эпохи «Русский—Земля-Вселенная», и описаны автором в мере его различения и с одобрения Световита.

Всё, что показано, битва Светлых сил Родовых бастионов РОДЪА с силами Сатаны, происходит в несуществующем государстве Эрэфийской федерации, при этом главные герои произведения – жители весей и городов – есть отражение, возникшей во времени данной действительности.

Главный герой произведения, русский учёный профессор Свиридов с его немногочисленными помогающими помощниками и почитателями его научных трудов проходят испытания на верность родным богам РОДЪУ и ЛАДЕ, попав под пресс недалёких погонных службистов, состоящих на службе инопришельцам Тьмы.

Записанные профессором Свиридовым А. А. научные знания, структурируют свет, давая выход Русской цивилизации с её многонациональным русским народом из «системного» кризиса, созданного инопланетными захватчиками и их прислужниками в человеческом облике, нелюдьми и нежитью, в Новое Время Третьего тысячелетия, где нет места бездушным паразитическим тварям.

Именно эти знания, данные человечеству от героя Андрея Световита в книге РОДЪА = Родословие к Человеку и в других трудах учёного страшат власть предержавших, руша планы тотального уничтожения многонационального русского народа, русской бессмертной Души, лишая возможности инопришельцев проявить новых аватаров Сил Сатаны.

В ходе проведения на Урале прислужниками инопришельцев Операции «Наведение морока на букву Ё» проявляются народные герои: Ефимов Олег, Николов Никита, Валева Эльвира, Таня Хареева и, примкнувший к ним, Валерий Устюгов, которые, осознав себя-в Себе и себя в Родине РОДА, в бытовании обыденной жизни, достойно, каждый своим путём идут по световым тропам Световита к Рассвету в Себе человека, сберегая свет своей души, несмотря на психический террор с посадками в психиатрические палаты и тюремные застенки сырых серых камер системы власти Сатаны.

Неимоверные усилия в нарушении всех законов земли и неба службистами всех уровней и мастей рассыпаются в Свете Слова Андрея Световита, который явлен, как наместник РОДЪА на Земле для открытия дорог в Трехедином Времени мироздания в Новую космическую эпоху народам всей Земли. Именно это они, силы Сатаны, пытаются скрыть и спрятать в веренице фальсификаций четырёх уголовных дел по одной и той же статье, ведя настоящую войну, без выстрелов и взрывов, воздействуя на умы законопослушных граждан лживой паутиной, в которой вязнут мозги

людей, погружая их в сонливые состояния безразличия к себе, к своему Роду и Родине.

Война полярных умов Тьмы Сатаны с самотканым Умом Света РОДЪА – есть действительность Времени в фантастической реальности несуществующей страны Эрэфийской Федерации, которая породила заново фашизм, спрятав, и скрыв его, в краснобайстве эфемерных забот о жителях страны. Представители сил Тьмы, показанные в романе, отображают в себе все присущие качества людей, утеревших Душу на планете Земля. Они, потерявшие связь с РОДЬОМ, утратили Родовую Божественную Душу, и лишены какой-либо радости в жизни: их удел блаженства – в звериной страсти с животными инстинктами. Именно инстинкты зверья и укороченный паразитическими догматами ум позволили столетиями держать в своих лапах Власть над потомками Белых богов на планете Земля, но Время и РОДЬ проявили в земных просторах Духовного Лидера Андрея Свиридова, который Славой Слова, Силой Слова и Светом Слова вытеснил с просторов Земли роидных инопланетных захватчиков, отразив их последнюю атаку смерти, под названием «Чебаркульский метеорит» выстроенной конструкцией и текстами текстов в тексте Книги РОДЪА – Родословие к Человеку.

Роман «Война Умов» отражает тот скрытый фантастический мир, где бьются столетиями силы Тьмы с воинами Света за Души людей.

Произведение «Война умов» и роман «Битва Интеллек-

та с Разумом» взаимно вложены и дополняют друг друга так, что дают возможность читателю более глубинно понять и осознать в себе отражение Времени земного пути Андрея Световита и его помогающих помощников.

... Читайте, просвещайтесь и делайте вывод и выбор...

Глава 1. Преступный налёт недалёких

Августовская прохлада раннего утра 2012 года на Южном Урале была обычным для этого времени явлением. Андрей Световит, раскрыв въездные большие ворота на подворье своего загадочного особняка на улице Рассветной, смотрел на зачинающийся рассвет Великого Солнца. Вдыхая полной грудью ароматы зрелых плодов яблонь и медовых груш, которыми за тихую безветренную ночь был напитан воздух, он наслаждался последними минутами тишины и спокойствия. Всё вокруг было напитано энергией благодати, шли последние деньки лета... травы отшумели, птицы отпели, взрастив своё потомство, а умиляющая тишина еле слышно шептала в лёгком движении воздуха о приближающейся осени. Знал Андрей: именно сегодня Тьма посылает своих прислужников сокрушить главный Бастион Света, планеты Земля.

Бойцы спецподразделения – молодые русские парни, прошедшие обкатку в горячих боевых точках, некогда единой, русской земли зомбировались в большом актовом зале специалистами Несистемного института на совершение нового «подвига» - злодеяния: взломать железные ворота ограды и входные двери, с последующим взятием под прицел всех, кто будет в доме у опасного преступника государства Эр-

эфии – русского профессора Свиридова, который посмел замахнуться на голубые толерантные ценности цивилизованного человечества. После двух часов работы «несистемщиков» все бойцы были готовы, не задумываясь о своей чести и совести, исполнять, принятую ими присягу, круша всё на своём пути, уничтожая и втоптывая в пол хоть малых детей, хоть стариков и женщин, хоть мать родную. Андрей видел в своих видениях будущего, где Тьма будет лютовать над каждым, кто хоть как-то в своих мыслях, словах и действиях приближает Рассвет Новой Русской эпохи, а каждое его слово и действие в этой схватке будет определять масштаб распространения новой заразы экстремотеррора в отношении русских народов. Страха не было, была печаль, ведь русские здоровые парни – цвет нации – в неосознанности своей убивали в себе свет Души, лишая себя будущего и прерывая во времени свои родовые линии, ибо они посягнули на посланника РОДЪА, пусть не осознано, но сделали свой личный выбор: каким богам служить. Незнание Родовых Вселенских Поконов не освобождает от ответственности никого и никакие молитвы, ни в каких храмах и святых местах не освободят от неотвратимого действия Рокъа. Иерархи Тьмы знают и скрывают это, и своими руками никогда не творят зло в отношении русского народа, ибо знают русским покровительствует РОДЪ и Лада, и они только изыскивают из числа соплеменников алчных, завистливых, невежественных, прибывающих в состоянии святой простоты, лишившихся боже-

ственной Души людишек, обещая им и не исполняя обещанных земных благ, направляя продавших душу, творить задуманное ими зло, укутывая преступления в красивую обёртку слов «патриотизм», «защита государства», «подвиг», «присягнувших в присяге». Так было и сейчас, и во все времена.

Андрей Световит решил не давать возможность службистам Эрэфии взламывать двери своего загадочного особняка, и ещё раз глубоко вдохнув чарующий аромат приближающейся осени, не закрывая двери, прошёл в свой скромный рабочий кабинет работать по дешифровке русских букв, ломая заученный алгоритм нового вида террора силовиков против русского народа.

Капли святой воды, которыми поп окропил бойцов спецподразделения при посадке в бронемашину перед выездом на особо важное государственное задание, (почти что подвиг в их урезанном и усечённом понимании), не успели высохнуть, как они прибыли на место своего позора во времени... на улицу Рассветную города Челябинска. Время Новой космической эпохи вскроет все имена и фамилии, устроивших новую тиранию русского народа, и им, погонным служителям тьмы, невдомёк, что второго шанса сокрыться и спрятаться за стенами шахт в Золотой горке не получится, ибо Родовой Огонь Коловрата всё больше и больше набирал обороты, оповещая своим гулом вращения всё человечество о Новом времени, где РОК грозен и неотвратим для любого уroda – ушедшего от РОДЪА.

Полковник Юдин, подъехав к загадочному особняку профессора на служебном чёрном джипе с чёрными тонированными окнами, снова ощутил знакомые энергии, такие же, как при подходе к храму Крышеня на берегу речушки Арша. Неприятные воспоминания потери энергии на подходах к острову Велеса и Родовому храму Крышеня, заставили полковника принять решение наблюдать за ходом Операции, не выходя из автомобиля.

Бойцы, настроенные на штурм железных ворот, вывалив из бронемашины, застыли, как вкопанные, перед, настезь открытыми, воротами: их линейный ум с ограниченным интеллектом не мог понять, что же делать, если план действий, намеченный руководством регионального ФСБ, не совпадает с действительностью. Съёмочная группа отдела пропаганды, настроенная на съёмку штурма Бастиона Родового подворья профессора, так же опешила перед свободным входом, а оперативники, ФСБ и полиция, лихо выскочившие из привёзшего их транспорта, столпились, застыв в одной серой куче так, как встают бараны перед новыми воротами. Непривычная ситуация разбудила привитый системный страх.

После нескольких минут молчаливого стояния первым в себя пришёл следователь, майор Кукушкин Игнатий, обременённый руководством вручить профессору Постановление... о возбуждённом уголовном деле с размытой формулировкой о «...посягательстве на Государственные ценно-

сти толерантности, где нет места Русской букве, Есенинской прозе и Пушкинскому слову...», и, тем более, научным трудам в Славе Слова профессора Свиридова.

Прижимая потрёпанную кожаную чёрную папку к груди, словно дополнительный бронезилет, Кукушкин сделал шаг вперёд, и, дребезжащим голосом пролепетал:

– Господа офицеры, предельно осторожно проходим на место преступления, – после чего, трясущейся неуверенной походкой, направился в открытые ворота.

Несколько минут молчаливого стояния спецгруппы перед открытыми воротами подворья профессора Свиридова полковнику Юдину показались бездонной вечностью, в которой растворяются и исчезают в неизвестности все грандиозные планы закрытия Русского вопроса на Русской земле в спецоперации «Наведение Морока на букву Ё». Даже неуверенное движение серой, вооружённой до зубов, безликой массы бойцов в глубину двора профессора не принесло полковнику Юдину облегчения... Только усилием выдрессированной воли он смог перевести дыхание в состояние условного спокойствия, а звонок телефона отвлек от неприятных мыслей начавшегося провала, и, имитируя бодрый голос, он рапортовал, звонившему из Центра, генералу:

– Сергей Яковлевич, Операция «Наведение Морока на букву Ё» успешно началась по двадцати двум адресам одновременно. Я лично контролирую работу на территории подворья и дома Академика Свиридова, ... всё идёт по наме-

ченному плану... , только вот... сюжет о взломе ворот снять не получилось, ибо таковые были открыты.

Простая фраза «...были открыты...» как-то неприятно резанула Самуила по ушам, напрягая недюжий интеллект до предела, выдающий беспорядочные ответы, которые Сергей Яковлевич тут же транслировал, не осмысливая, своему подчиненному:

– Юдин, это может быть засада... а, может, кто-то из «наших» предал, оповестив о налёте... и профессор скрылся...

Полковник Юдин ощутил возникшее у генерала напряжение и во избежание разноса быстро протараторил:

– Господин генерал, разрешите действовать дальше... в любом случае, будет нужный нам результат... Доложу по выполнению задания.

– Действуй, – рыкнул Сергей Яковлевич, швырнув телефонную трубку.

Полковник Юдин наблюдал за происходящим из машины по монитору компьютера, на который были выведены видеокамеры всех участников операции. Он боялся погружаться в светоносное родовое пространство загадочного особняка профессора, ибо знал, что с его отменным здоровьем, выстроенным на чужой, отнятой энергии Живы, может произойти всё, что угодно и с самого начала определил для себя «руководить мясом», как он про себя называл русских парней, служивших «системе».

Войдя в открытую дверь правого крыла загадочного особ-

няка, следователь Кукушкин стал двигаться, как ему показалось, по бесконечно длинному нескончаемому коридору... ещё медленней, еле-еле переставляя ватные от страха ноги. Два бойца спецназа, следовавшие за старшим группы с автоматами наперевес, были готовы, при малейшем шорохе, открыть огонь на поражение, ибо их так же обуял приступ непонятного страха, который сковывал их шаги, делая движения неуклюжими и даже смешными, а, проделанная перед выездом, манипуляция с их мозгами позволяла совершить любое преступление, вплоть до убийства...

Андрей дописывал главу новой книги, когда перед ним возникла троица мужиков, двое из которых были в масках с автоматами, а третий – в гражданском сереньком костюмчике, с выпученными глазами и бледным лицом. Андрей, отложив в сторону рукопись, открытым светлым взглядом посмотрел на прибывшую нелепую троицу, и, не отводя глаз с опешивших, закурил сигарету. Прошло несколько минут, прежде чем прибывший следователь Кукушкин, совладав со своим непослушным бранным телом, начал тараторить невпопад о своём прибытии. Из всего сказанного Андрей Световит только и смог разобрать, что дом окружён, а перед ним – майор Кукушкин с Постановлением о возбуждении уголовного дела в отношении академика Российской Академии естественных наук Свиридова Андрея Александровича. Было видно, что данный объект в человеческом облике на должности следователя ФСБ не наделён разумом, а лишь

имеет слабые признаки линейного интеллекта и ума, базирующегося на инструкциях, приказах и распоряжениях в служебной деятельности, а за её пределами, в личной жизни, довольствуется естественными надобностями и не более. Вести какой-либо диалог с прибывшими налётчиками о мере их ответственности в преступных действиях против русского народа была бы пустая трата времени, и Андрей, взяв в руки недописанную рукопись, властным жёстким голосом сказал:

– Делайте своё преступное дело, а мне не смейте мешать работать, – после чего продолжил писать на белом листе бумаги убористым почерком новую главу новой книги о тайнах букв Галактического русского могучего светоносного языка.

Глава 2. Нагнетание страхов

Обычное августовское утро 2012 года для многих любителей ведической литературы, за авторством профессора Свиридова Андрея Александровича, стало поворотным моментом их, доселе безмятежной, жизни. По двадцати двум адресам простых граждан Эрэфии шли налёты спецслужб Уральского региона, завалуированные в обёртку законности следственных действий.

Во всех случаях участвовали вооружённые боевые подразделения СОБРа и ОМОНа с целью нагнетания чёрного липучего могильного страха, который, по расчётам организаторов, должен был впитаться в ум и сознание выбранных жертв, превращая их в ходячие зловонные трупы, и вот именно это зловоние должно было приобрести форму слов оговора и клеветы в адрес Русского учёного, Академика Свиридова.

Особый упор нагнетания страхов был сделан на тех, кто был вхож в загадочный замок профессора Свиридова на улице Рассветной, и на тех, к кому профессор сам заезжал пообщаться за чашечкой кофе.

Бесцеремонный, незаконный налёт силовиков, в большинстве своём, возымел определённый успех, вызвав состояние парализационного шока у законопослушных граждан. Находясь под прицелом автоматчиков в масках, они,

простые люди, беззаветно трудившиеся на благо своей Родины и государства, не могли поверить, что это происходит с ними, как бы, в демократической стране, где, вроде как бы, нет репрессий и террора, и впадали в ступор непонимания. И именно это непонимание ситуации приводило к страху, который погружал их в, созданный силовиками, морок преступления, экстремизм на букву Ё, но это было далеко не со всеми.

Медленно попивая в утренний час ароматный горячий чай с маминой выпечкой перед рабочим днём в институте, Никита Николов был потревожен глухими ударами во входную дверь.

– Кто там, – подойдя к двери, Никита спокойно спросил.

– Открывай, это полиция с уполномоченным представителем Федеральной службы безопасности.

На тот период Никита уже познал основные постулаты ведических знаний, изложенных в научных публикациях Академика Свиридова, и чётко понимал, что любой обладатель этой кладези знаний становится геополитическим противником сил зла и тьмы, и это был вопрос времени, когда эти силы Сатаны придут к нему на порог, и он был психологически готов к этой смертельной схватке.

– Я ни полицию, ни, тем более, ФСБ не вызывал, так что не беспокойте меня, – таким же ровным голосом, без нотки страха и удивления, произнёс Никита Николов и прошёл в уютную мамину кухню допивать ароматный чай с мамин-

ной выпечкой, повергнув погонных служителей в недоумение и звериную злобу, которая вылилась во взлом дверей и принудительное задержание Никиты.

Ещё больше поразил короткие умы погонных служителей тьмы Олег Ефимов. Его твёрдый пронизывающий взгляд и искромётное слово время от времени вводили в ступор, прибывших к нему на съёмную квартиру, налётчиков оперативно следственной бригады. Олег Юрьевич с самого раннего детства, пройдя школу детского дома, знал, что в жизни за место под солнцем необходимо биться, а тем более за свою жизнь, чтобы даже просто жить. Чётко понимая, что настал тот час, когда будет решаться вопрос всей его жизни: где он и с кем он, – Олег был готов пойти на смерть, но не предать принципы ведической веры знаний, изложенных в книгах профессора Свиридова, ибо терять ему было нечего, кроме света своей обрётённой божественной души через знакомство с Андреем Световитом и его учения, а это то, что священо и дорого каждому русскому человеку, который осознал глубинно цену Божественной Русской Души.

В былые древние времена каждый русский человек, впитывая знания с молоком матери, знал, что главное богатство, которое есть у него, – его Душа, частица родных Богов, и главным было для каждого – сохранение Света ДУШИ, а не физического тела. Именно это знание и понимание позволяли Русичам выигрывать все войны, ибо, идя каждый раз в бой, русский мужик шёл на смерть, беспокоясь лишь

о своей чести и душе.

В наше время немногие берегут свою душу, меняя её на великие, в их понимании, служебные должности, бешеную популярность и иллюзорные богатства с мнимым спокойствием вроде бы неограниченной власти.

Это августовское утро привело нападавших и некоторых их жертв к потере своей божественной частички: одни хотели выслужиться и получить служебные дивиденды тьмы, другие – сохранить своё нажитое богатство и мнимую успешность жизни.

Те и другие были едины в своём выборе добровольного отказа от бессмертной божественной души, и это был лишь вопрос времени, когда поглотит их родовой огонь Коловрата, развеяв пепел смертного брена по всей вселенной, не оставляя следа.

У всех, кто попал в сети, сплетённые силовыми структурами Эрэфийского государства, изымались разрешённые законами самой Эрэфии книги профессора Свиридова, ибо силы Тьмы решили сокрыть новые знания нового времени, записанные русским Академиком для преобразования русских пространств и мироустройства на планете земля.

Августовский обыденный день всех участников операции «Наведения морока на букву Ё», в развязанном Силами Сатаны экстремотерроре, поставил перед выбором всей жизни: с кем и куда идти? что делать? и ради чего жить?

В дуновении лёгкого осеннего ветра, переваливаясь

в шаткой походке, в коридоры власти в очередной раз вползала депутатом Госдумы Космическая ведьма Валя, чтобы поддержать своим замохшевелым видом и хриплым скрипучим голосом организацию экстремотеррора с маниакальными убийствами, маньяком-изделием за номером два, добывая ему своим заходом во власть дополнительное Время – наслаждаться страданиями и горем народа.

Глава 3. Без вины, виновность

..... Сергей Яковлевич, восседая на своём Троне Власти в ожидании обширного совещания по итогам двух месяцев, идущей на Урале операции «Наведения морока на букву Ё», спокойно покурил свою излюбленную Гаванскую сигару ручной работы. Предварительное знакомство с представленными материалами генерала не радовало, но и не печалило, ибо в стране на первое место медленно, но верно вышли корпоративные ведомственные инструкции и соглашения, которые довели над всеми законами Эрэфийского государства, позволяя любому силовому ведомству совершать любые преступные действия в отношении законопослушных граждан, называя свои преступления защитой интересов государственной власти. В стране победившей демократии, по истечению двух десятилетий воцарилась диктатура олигархата и их прислужников, состоящих из разных мастей государственных служащих. Разные спецслужбы обслуживали тот или иной сектор бизнеса, получая неплохие барыши, и всех эта сложившаяся вакханалия устраивала... всех, за исключением простого трудового честного русского народа, которого в стране было более девяноста процентов. Но их интересы и желания были давно списаны со счетов новой системы, а он, народ, молчал и терпел в ожидании...

Сергей Яковлевич чётко понимал, что его верховное сек-

ретное подразделение внутренней разведки есть его личная вотчина, и он недостижим действием законов, и именно эта недостижимость давала ему спокойствие сейчас и придавала уверенности в завтрашнем дне. Уход из пространств земли Владык Кармы делало Сергея Яковлевича недостижимым для какого-либо воздействия, хоть и существовала возможность у параллельных структур разведки совершить покушение на жизнь генерала, но он, ещё в начале своего восхождения на трон Власти, обставил всех службистов своими преданными, которых знал только лично, встречаясь с ними крайне редко и в исключительных случаях.

Ход плавных мыслей предстоящей недели был прерван вошедшим адъютантом.

– Господин Генерал, прибыли все участники обширного совещания, разрешите пригласить.

– Давай, валяй, – небрежно произнёс Сергей Яковлевич, выпуская сизый едкий дым сигары.

Молча, наблюдая, как прибывшие, приветствуя, рассаживаются за массивный прямоугольный стол, Сергей Яковлевич сканировал каждого своим пронизывающим взглядом, и только один участник совещания, где-то в глубинах сознания вызвал лёгкое недовольство своим сереньким видом и нечитаемой физиономией – это был руководитель Несистемного института Иннокентий Аронович. Он никогда не вызывал у генерала никаких положительных ассоциаций и, тем более, каких-либо страхов, но что-то было в нём

не так, а Сергей Яковлевич не мог уловить своим пронизательным умом что именно не так в этом престарелом директоре института. Возникающие время от времени в голове генерала, вопросы к личности Иннокентия Ароновича всегда заканчивались одним лёгким негодованием, что он и его несистемный институт – хорошо приспособившиеся бездельники, от которых толку большого нет, а самое главное, что от них не исходит никакой опасности, и сегодняшнее наблюдение не было исключением, и плавно закончилось тем же устраивающим генерала рассуждением.

Видя отстранённый вид генерала, полковник Юрий Юдин, курировавший непосредственно на месте ход операции «Наведение морока на букву Ё», громко прокашлялся, захватив тем самым внимание своего начальника.

Сергей Яковлевич, бросив небрежный скольльзящий взгляд на полковника, твёрдым властным голосом произнёс:

– Докладывать всё в мелких деталях, и не забудь рассказать о том, что не вошло в официальные бумаги.

Юдин открыл большую, доверху набитую листами с машинописными текстами и фотографиями, чёрную папку в кожаном переплёте с теснёнными золотыми буквами его фамилии и инициалов, и стал чётко лаконично докладывать о первых итогах работы в Уральском регионе по закрытию русского вопроса на всей территории громадной страны.

Сергей Яковлевич, навалившись на спинку кресла, медленно покуривая сигару, погружался в образы всеобъемлю-

щего доклада и в какой-то момент, на какие-то доли секунд у него даже возникло желание снова лично встретиться с этим незаурядным русским учёным. Но он быстро избавился от этой мысли, посчитав, что это ему совсем не надо для его нынешней размеренной жизни, плюс неприятные воспоминания отвергнутости в период их знакомства в молодые годы, окончательно наложило табу на эти эмоции.

Более чем из полутора часов доклада полковника Юдина Сергей Яковлевич не услышал ни об одном даже маломальском намёке на нарушения каких-либо законов Эрефии. Радовало одно, что все подобранные службисты без малейшей тенисомнения исполняли приказ каждый на своём месте, в меру своих аморальных качеств. А вот шероховатости, возникшие в некоторых непредвиденных случаях, требовали особого анализа, а также особого внимания заслуживал тот факт, что простые люди, приближённые к профессору Свиридову, проявляют неустрашимость, граничащую с вызывающей наглостью. При этом ни один из участников какой-либо специальной психологической подготовки не проходил, но стойко преодолевал хорошо спланированное психическое насилие, размышлял генерал, всё так же пуская едкий сизый дым сигары.

После окончания доклада о проделанной работе в горах Урала, вместе с сизым дымом сигары в пространстве кабинета повисла гнетущая тишина. Все ждали жёсткого разноса от генерала, ибо каждый из присутствующих чётко понимал:

зацепиться не за что ни к русскому учёному, ни к его сподвижникам, – потому всё проделанное не имело каких-либо законных оснований продолжать операцию на Урале. Ожидания всех подчинённых о порке не оправдались, Сергей Яковлевич, в очередной раз, выдохнув сизый дым, ровным без нотки раздражения голосом стал говорить.

– Господа офицеры, работа проведена большая, но это только начало, и от всех вас потребуется подготовить для Уральских коллег план действия, который вы будете курировать столько, сколько надо.

– Полковник Юдин, подготовить всем копии всех наработанных материалов, в том числе фото и видео, и не забудьте ими снабдить Иннокентия Ароновича, руководителя Несистемного института.

Слова «Несистемного института» генерал выделил интонацией в голосе так, что все присутствующие невольно посмотрели на еле заметную худощавую фигуру в сереньком неприглядном костюмчике в дальнем углу стола.

Смачно затушив сигару, вдавив в пепельницу из черепашной кости, генерал продолжил свою ровную речь.

– Всем даю ровно сутки на разработки планов, а завтра, в это же время, все здесь – со своими предложениями по общей дальнейшей стратегии операции «Наведение морока на букву Ё».

Глава 4. На грани нервного срыва

Расположившись поудобней на своей обширной кухне в мягком кресле, Иннокентий Аронович неспешно попивал горячий чай, время от времени поглядывая в окно служебной квартиры, словно пытаясь кого-то разглядеть, несмотря на надвигающиеся ночные сумерки, в которых проглядывались в свете чахлах фонарей лишь силуэты непонятных фигур. Внутреннее предчувствие говорило, что кто-то должен объявиться. Желания погружаться в медитативные состояния по окончании трудового дня не возникало, тем более предчувствия несли лёгкий привкус сладострастия, говорившие о положительной весточке, которая сама проявится в ближайшее время. И только транслировавшийся концерт певчицы Лещенко вызывал раздражение, от которого Иннокентий избавился, как только дослушал первый певчье-ые куплет, выдернув, не вставая с кресла, из энергосети розетку советского радиоприёмника.

Сегодняшнее совещание у генерала вызывало у Иннокентия неоднозначное восприятие ситуации и он, опустошив чашу, взялся за рассмотрение фотографий, любезно предоставленных разведывательной конторой. Лица мужчин и женщин для пронизывающего интеллекта с гигантским опытом были, как открытая книга, и Иннокентий Аронович, дважды просмотрев толстую пачку снимков, разделил

её на три части, руководствуясь только своими внутренними ощущениями, которые его никогда не подводили. В первой, самой тоненькой стопке, был сам профессор Свиридов, за ним шёл молодой учёный, философ Никита Николов, который был ещё ребёнком в понимании Иннокентия. А вот следующий, Ефимов Олег, всем своим видом говорил о большом тяжёлом жизненном пути: его твердый взгляд был присущ матёрому воину, который не останавливается ни перед какой преградой. В эту же стопку Иннокентий определил двух женщин: Харееву Татьяну, в которой просматривались неудержимая энергия с безоговорочной преданностью, и Валееву Эльвиру, с утончёнными чертами лица тюркской женщины, которая в блеске своих глаз проявляла истинную русскость, ту самую русскость, которая оставалась у единиц среди родных народов русских, отвергнувших безоговорочно и навсегда рабское служение чужим богам, славя РОДЬА.

Последней фотографией в первой стопе был снимок Валерия Устюгова, его лицо источало непозволительную радость, а взгляд говорил о глубинной рассудительности.

– Именно эти выбранные лица должны будут погрузиться в устроенный силовыми структурами Ад на земле, закрыв своими телами брешь в пространстве, откуда уже исходил божественный свет Новой эпохи, что позволит на значительное время оставить на земле серость смутного периода, которого хватит для наслаждения привычной жизни, – осмыслил Иннокентий Аронович, вальяжно растянувшись в своём

мягком кресле.

Пристально вглядываясь в фотографию русского учёного, Иннокентий Аронович на какие-то мгновения увидел сияющее сияние чистого света, исходившее от снимка Андрея Свиридова, от этой неожиданности он резко замотал головой, словно, не соглашаясь с этим, и в тоже время, как бы развеивая увиденный дивный свет, обдавший Иннокентия энергией благодати, которую он ни разу не встретил после выхода в большую жизнь из родительского дома. От этой приятной неожиданности Иннокентий Аронович непроизвольно произнёс вслух:

– И вправду, Андрей Световит.

Дребезжание дверного звонка вернуло Иннокентия в своё обыденное состояние. Он небрежно бросил на обеденный стол рассматриваемые только что им фотографии и направился к входной двери, ощутив по энергетике, что эта прибыла после трёх месяцев спецкомандировки, его верная боевая подруга Бэла.

Отворив входную дверь, Иннокентий Аронович увидел сияющее лицо Бэлы с южным загаром, выглядывающее из-за большой картонной коробки, которую она держала перед собой, закрывая практически всё своё тело, построенное за время командировки.

– Здравствуй Иннокентий Аронович, – нараспев с улыбкой на губах произнесла Бэла, не скрывая своей радости встречи со своим любовником и шефом.

Иннокентий был, как всегда, собран и безэмоционален, хотя внутренне был рад видеть Бэлу, и как женщину, и как верного преданного агента.

– Здравствуй Бэла, – ровным, спокойным, слегка приглушённым голосом произнёс Иннокентий Аронович, и, сделав шаг в сторону, жестом руки указал Бэле проходить на кухню, которая одновременно являлась и гостиной.

Пока Бэла хлопотала на кухне, Иннокентий принимал душ, разворачивая под струями тёплой воды, снятые с глубин сознания своего солдата образы событий, в которых была Бэла. Как всегда, верная и преданная шельмовка, сделала всё, как надо, не оставив на круизном лайнере генерала своего следа, и даже какого-либо воспоминания в чьём-либо сознании, что очень и очень порадовало Иннокентия.

Облачившись в мягкий тёплый махровый халат, Иннокентий прошёл на кухню, где его ждал сервированный стол с различными яствами, любезно принесёнными Бэлой, и сама Бэла, которая в ожидании своего патрона рассматривала брошенные им фотографии с лицами людей Урала. Практически всех она видела лично, выполняя задание Несистемного института по наущению Иннокентия Ароновича.

– Ты, как всегда меня балуешь, Бэла, своими колдовскими блюдами, – с улыбкой произнёс Иннокентий, усаживаясь за стол.

– Рада всегда и всем, чем можно, угодить тебе, – с блеском сладострастия в глазах произнесла Бэла, откладывая фото-

графии на пустой край стола.

За время запоздалого ужина Иннокентий не проронил ни слова, а Бэла, напротив, не умолкала, посвящая своего босса во все детали своей проделанной работы, красочно описывая всё, вплоть до южных пейзажей и морских волн, что позволило руководителю Несистемного института практически окунуться в двухмесячный тур его боевой подруги с ощущениями вкусов и запахов Средиземноморья.

Обтерев кончиком белёсого полотенца уголки губ, Иннокентий хитро улыбнулся и с юморком в голосе произнёс:

– Ну, вот, Бэла, и дело сделала, и шикарно отдохнула, и плюс хорошие дивиденды на будущее приобрела.

– Для тебя, Иннокентий, хоть куда, и хоть что, ты ведь знаешь меня уже не первый десяток лет, и даже не второй, – глядя в глаза, произнесла Бэла.

– Я не сомневался в тебе, Бэла, даже в первые годы нашего знакомства, и ты это всегда знала.

– Знала, Иннокентий, знала, и даже тогда, когда наши пути-дорожки расходились, я знала, что это только вопрос времени, когда ты снова призовёшь меня служить тебе духом и телом своим.

– Ты права, Бэла, нас связывает с тобой Время не одной жизни с событиями разных эпох, и ты знаешь, что я всегда играл не последнюю роль в этом мире, и именно это тебя всегда влекло ко мне, а твоя верность только привлекала меня к тебе.

После сказанных слов на кухне, воцарилась гробовая тишина, и только слабый шелест от плавных движений Бэлы, готовящей кофе, нарушал её. У каждого в голове мелькали воспоминания эпохальных событий прошлого, где они неистово творили тёмное время тёмных богов, плывя во Времени в багровых реках крови людишек, которые вставляли на их пути.

После нескольких глотков чёрного кофе, Иннокентий Аронович, зловещим взглядом окинув свою полуночную гостью с ног до головы, заговорил тихим вкрадчивым голосом:

– Знай, Бэла, война, которую мы и наши кураторы сверху ведём столетиями с русским народом, подошла к эпохальной точке бифуркации, и всё очень и очень серьёзно. В ближайшие годы будет решаться вопрос: или мы, или нас....

Иннокентий замолчал, сделав пару глотков горького напитка, ещё раз окинул Бэлу взглядом с ног до головы, сменив зловещий огонёк на азартный задор, продолжил говорить:

– В любом случае, мы с тобой ещё поживём и кровушки сполна попьём снова... То тут, то там просыпается русский мужик, вспоминать начинает богов своих, а главная угроза идёт с Урала, от всезнаменитого профессора Свиридова... но мы об этом, Бэлочка, завтра поговорим.

Иннокентий замолчал, допил кофе и бодро командно произнёс:

– Давай, пойдём в мою опочивальню, порадуешь меня, шалунья.

Входя в спальню следом за Бэлой, Иннокентий Аронович увидел сидящего в кресле у окна профессора Свиридова, которого он не смог подвинуть в своём всемогуществе ума. А за окном ночь всё больше и больше закрывала город осенней туманной чернотой, и только единичные звёзды сверкали в редких прорезинах русского неба, давая маленькую надежду на новый солнечный день людям, идущим в крошечной тишине ночных улиц, где даже самые сильные фонарные лампы на столбах не освещали пути, висая в пространстве жёлтыми бесформенными пузырями...

Глава 5. Глубинное осознание творимого СС преступления

Профессор привычно сидел за рабочим столом, словно ничего не происходило, и продолжал написание новой научной разработки под названием «Числовой индивид буквы». Окончив очередную главу, отложил в сторону исписанные убористым почерком белые листы рукописи, привычно закурил, поражая своим спокойствием и невозмутимостью представленного к нему вооружённого бойца спецназа, и, взяв в руки телефон, позвонил.

Ранний звонок профессора встревожил Валерия Каменного, ибо ранее Андрей Александрович ни разу за весь период их знакомства так рано не звонил.

– Доброе утро, Валерий Васильевич, – привычным ровным, спокойным голосом сказал профессор, снимая тревожное напряжение собеседника.

– Доброе Утро, Андрей Александрович.

– Звоню справиться, как ты там поживаешь, Валерий Васильевич.

– Всё тихо, спокойно, в рабочем порядке, Андрей Александрович.

– Ну, и хорошо.

– А как ты сам, Андрей Александрович?

– Так, как всегда: пишу, работаю, если не считать, что с шести часов утра проводят в моём доме обыск.

На доли секунды сказанное показалось Валерию плохой неуместной шуткой, он даже растерялся, и по инерции спросил:

– А ты, Андрей Александрович, что?

– А я, Валерий Васильевич, работаю, заканчиваю написание новой книги....

После разговора с Андреем Световитом Валерий Каменный, расположившись в удобном кресле на веранде при русской баньке на берегу речушки Арша, попытался погрузиться в образы событий, развёрнутых силовыми структурами в отношении близких по духу и душевности ему людей. Мысли путались, образы не проявлялись: сколько бы Валерий не прилагал усилий заглянуть за линию горизонта, – только серость, мгла и чувство тревоги.

После нескольких часов медитации и размышлений, Валерий принял решение оставить это занятие, а вечером созвониться с профессором Свиридовым и прояснить что, как и почему.

День августа пролетел в домашних деревенских заботах, в подготовке подворья к предстоящей долгой холодной зиме, в принципе, как и все дни весеннего, летнего, осеннего тёплого периода.

С тех самых времён Махабхараты, когда на русскую землю пришла лютая холодная зима, вызванная планетарной вой-

ной сил Света и Тьмы, именно с тех пор русский мужик в тёплое время года только и готовился к зиме, чтобы пережить её до новых тёплых деньков. До войны на Матушке-Земле был повсеместно благодатный климат, позволявший даже в северных широтах возвращать теплолюбивые культурные растения, а людям жить без отопления в их домах. Силы Тьмы, проиграв Свету, умышленно нарушили систему планетарного климата. Вначале люди надеялись, что зима вот-вот и больше не придёт никогда в их обетованную землю, а особо упёртые так и не делали в своих домах печи, прослав в народной молве беспечными людьми. Именно в те времена на Руси время перестали считать летами, перейдя на годы – гады.

Вечерний разговор с Андреем Световитом так и не дал Валерию понимания: чем мотивируют силовые структуры, и в чём обвиняют русских людей, любителей и почитателей русской литературы и ведических знаний.

Одно было ясно, что масштаб задействованных сил силовиков очень велик, одновременно более двадцати человек были подвергнуты вооружённому налёту, у всех изымались труды академика, писателя и поэта Свиридова Андрея Александровича.

Имея более, чем десятилетний опыт работы в народной милиции Советского государства, Валерий не мог найти юридические причины следственных действий, ибо знал, что научные работы в сфере языкознания профессора Свиридо-

ва не запрещены, и, являясь учебными пособиями, признаны на мировом уровне. Исходя из опыта своей милицейской работы, Валерий не мог поверить в столь масштабную юридическую фальсификацию и подлог, ибо в Советском союзном государстве за малейшее нарушение любой сотрудник сам подпадал под действие закона.

Не учёл одно Валерий Каменный: жил он уже в другом государстве, Эрэфии, в которой были другие законы, с представленными к ним полицейскими сотрудниками, главная задача которых – защищать государство чиновников и олигархов от народа, притязающего на справедливость жизни на их родной земле, политой потом и кровью павших предков, которые веками, ценой своих жизней, хранили целостность русских земель.

Чётко и ясно осознал Валерий Каменный из анализа событий – всё происходило так, как происходит на войне: сначала идёт разведка и на территорию проникают лазутчики, отыскивая слабые места укрепления, затем массированно хлещут бомбы, пытаясь сокрушить стены бастиона, и лишь потом идёт в бой пехота, уничтожать всех, кто остался жив и оказывает хоть малейшее сопротивление. Так происходило и во время проведения силовыми ведомствами Эрэфии судебной операции «Наведение Морока на букву Ё». Прежде чем начать правовой беспредел, силовики систематически подсылали к каждому, не по разу, провокаторов и подстрекателей, пытаясь записать разговоры на поли-

тические темы, а в виде бомбёжки были вереницы газетных статей и телевизионных репортажей, уничтожающих чистое, светлое имя фигуранта уголовного процесса в глазах простого обывателя. Пехоту, штурмующую светлые бастионы, представляли оперативники и следователи полиции и ФСБ с младшим командным составом прокуроришек. Все они, без исключения, думали, что они вершители людских судеб, им было невдомёк, что они – простая пехота, а пехота во всех войнах есть расходный материал, пушечное мясо разового использования.

В Эрэфии, с раннего августовского неприметного денёчка обысков начался скрытый, спрятанный в краснобайстве лозунгов о счастливом настоящем и будущем, экстремотеррор, направленный на всех почитателей русской буквы, русского слова. Вползая через информационные порталы в каждого жителя страны, в каждую семью, чёрный ужас лжи, окрашенный дымом пожаров домов престарелых и пламенем взрывов высоток и вокзалов, затемнял сознание невидимой колючей решёткой, закрывающей Разум и рассудочную деятельность в тёмную темницу Тьмы, где страх был господином над душой и телом.

Глава 6. Новое поручение Бэлы

В приглушённом матовом свете ночного светильника Бэла неподвижно лежала на обширной необъёмной кровати, всматриваясь в черты лица спящего Иннокентия. Серый цвет светильника придавал его суровым чертам ещё более зловещий вид, а полуоткрытые веки поблёскивали белками глаз, вызывая страх и возбуждение у той единственной, кто сошёлся со всемогущим Иннокентием Ароновичем телом и духом. Бэла, с первых дней знакомства всегда знала, что от неё хочет её босс и любовник, и никогда не докучала ему своим излишним присутствием и какими-либо просьбами. Образование, полученное в стенах секретного института, позволяло Бэле чётко считывать с пространства: кто, как и где... и быть везде в любом обществе, как говорят в народе, «в доску своей». «Сколько пройдено вместе путей и дорожек, в багровых переливах людской крови страданий...», – вспоминала Бэла, наполненная любовной истомой. Картины давно минувших дней усиливали и дополняли волны радости физического тела бойца невидимого боевого фронта.

Бурлящие энергии тела переполняли гостью, не давая ей заснуть, и, после полуторачасового вылёживания, Бэла встала, накинув халат Иннокентия, прошла в гостиную варить кофе и хлопотать по кухне.

Иннокентий Аронович никогда в своей жизни не видел

снов, он был лишён этого дара Богов. Его сон проходил, как забвение, закрывая глаза, он погружался в чёрную пугающую пустоту сонливости, полученную, как наследство Атлантов. Со временем он научился спать с полуоткрытыми глазами, и этот приём хоть как-то разбавлял чернь ночи бликами искусственного освещения. При любых обстоятельствах жизни Иннокентий всегда просыпался в четыре часа утра и только в редких случаях позволял себе оставаться в постели на более длительный срок.

Человеческое тело имеет свою жизнь независимо от воли хозяина, как говорят учёные мужи, свой биоритм жизни, который расписан по часам. Так, до полуночи операционная система мозга производит сортировку дневных мыслей и действий и получает необходимый отдых, а физическое тело полностью отдыхает с полуночи до четырёх часов утра, и именно в четыре часа утра каждый носитель человеческого тела просыпается, ибо мозг начинает запускать все функции организма, необходимые для дальнейшей жизни. Медицинские работники знают об этих ритмах и в серьёзных клиниках уделяют особое внимание четырём часам утра, помогая мозгу запускать физическое тело тяжелобольных людей, сохраняя им, таким образом, жизнь.

Открыв глаза, Иннокентий привычно взглянул, не поворачивая голову, на циферблат настенных часов, стрелки которых стояли на четырёх часах утра. Привычное время начала нового рабочего дня для Иннокентия Ароновича было

наполнено ароматами бразильского кофе, проникающего через полуоткрытую дверь спальни.

«...»

Время от времени неплохое разнообразие жизни – присутствие женщины в доме, но только, именно, время от времени... и не более», – рассуждал Иннокентий, облачаясь в свой серенький неприглядный рабочий костюм.

Бэла встретила Иннокентия Ароновича с приготовленным горячим напитком и широкой улыбкой на припухших губах.

– Как отдохнул, Патрон, – протягивая чашу, игривым голосом спросила Бэла.

Иннокентий Аронович взял чашу, прошёл в своё кресло и, усевшись поудобней, выдохнув, произнёс:

– Замечательно, Бэла, замечательно, лучше и не придумаешь.

– А я, Кеша, так глаз и не сомкнула, так мне хорошо давно не было.

Иннокентий, прищурившись, осмотрел сияющую Бэлу с головы до ног, и, сделав глоток кофе, произнёс на выдохе:

– Хороша, шельмовка, ох, как хороша.

– Стараюсь только для тебя, Иннокентий, – так же игриво сказала Бэла, сев в кресло, напротив, с чашечкой кофе.

На какое-то время в гостиной кухне воцарилась тишина, каждый думал о своём, попивая мелкими глотками чёрный бодрящий напиток.

– Впереди, Бэла, у тебя новое задание – поездка на Урал, – сухо произнёс Иннокентий, нарушая тишину раздумий, смотря в темное окно.

– Неужели снова к этим Уральским бунтарям, – улыбаясь, спросила Бэла.

– Именно к ним, Бэла, и это будет задание намного важнее, чем предыдущие события.

– Да, я, Иннокентий, и сама это понимаю, все эти персонажи, живущие, вроде, как простые люди, очень и очень опасны по своей сути, ибо их мысли, слова и сама жизнь ломают привычные программные стереотипы жизни миллиардов.

– Именно так, Бэла, мысли и слова, обличённые в научные книги, и сама жизнь профессора Свиридова, его сторонников и почитателей разрушают ментальные поведенческие программы, разработанные в наших институтах, а это очень и очень опасно для всех государственных магических автоматизированных машин управления.

– А какие результаты, Иннокентий, на сегодняшний день у нашего генерала Самуила?

– Практически, Бэла, никаких, если учитывать тот объём сил и средств, задействованных в уральской операции «Наведение морока на букву Ё».

Бэла непроизвольно ухмыльнулась, цокнув языком, а Иннокентий Аронович, не обращая внимания на собеседницу, продолжил говорить ровным приглушённым голосом:

– Так вот, Бэла, мы будем двигаться параллельно силовым

структурам, следить и наблюдать за теми и другими.

– Ты получишь в ближайшее время разные документы, которые позволят тебе присутствовать, как одному из сотрудников генерала в роли специалиста психолога, как в полиции, так в ФСБ и прокуратуре.

– Твоя главная цель: собирать информацию к моему приезду.

От сказанного, что Иннокентий сам прибудет на Урал, у Бэлы пробежала по телу дрожь радости, ибо лучшие времена для Бэлы были тогда, когда они в паре с Иннокентием были в гуще событий, но об этом она никогда не делилась со своим шефом.

– Значит, Патрон, ты сам хочешь участвовать в операции силовиков, – серьёзным голосом спросила Бэла.

– Нет, не буду, у меня свои мысли по профессору Свиридову и свои планы по этому многообещающему мероприятию планетарного характера.

После сказанного, в глазах Иннокентия снова появился зловеший блеск, он, молча, встал и, несмотря на Бэлу, направился к служебному лифту, на ходу бросив пару слов:

– Мы ещё потолкуем об этом, Бэла... Я на службу, – после чего скрылся с глаз верного бойца.

А за окном служебной квартиры секретного Несистемного института, несмотря на наступающее время утра, была всё та же крошечная колючая тьма, накрывающая всё, что можно было прикрыть своей чернотой....

Глава 7. Нападение погонных службистов на подворье Каменного

Осень осыпала жухлыми листьями деревьев уже остывшую землю после жаркого лета, а воздух всё больше и больше насыщался запахами приближающейся зимы. Серость красок пригорода невольно погружала думающих людей в раздумье о скоротечности Времени бытия жизни на многострадальной земле, где человек, не потерявший родовую душевность, стремился найти и исполнить своё божественное предназначение.

Веками выстраиваемые служителями Абсолюта конструкции кривых извилистых путей-дорожек всё больше и больше уводили индивидов и целые народы в черноту забвения Родового предназначения. Страны и народы всё больше и больше погружались в тьму разврата и невежества, теряя навсегда душевность и человеческий облик, превращаясь в человеко-подобных существ, заботившихся только об одном: где, как и за чей счёт потешить свои бренные тельца.

Много было и есть людей, которые от рождения отвергали и отвергают пустоту жизни, сохраняя в себе свет своей Души. Они все и всегда стремились к божественной истинной духовности, но в поисках своих вставляли на те же самые

кривые дороги, которые их приводили к духовничеству всевозможных религий, а они своими ритуалами завуалированной чёрной магии вырывали души и превращали ищущих в нелюдей, готовых поедать плоть и кровь своих кумиров, становясь ещё страшней, чем их бесцельные и безвольные сограждане.

Холод металла, приставленного к виску ствола пистолета, разбудил Валерия Каменного, и, открывая глаза, он увидел ехидное серое лицо незнакомого человека, стоящего у кровати его спальни с оружием в руках, которым он тыкал хозяину дома в лицо, а в это время трёхлетний сынишка Дмитрий тихо сладостно крепко спал, забравшись под руку отца.

– Полиция, ты арестован, следуй за мной, – приглушённым, шипящим голосом выдавил из гортани, стоящий с пистолетом.

Сон улетучился мгновенно, нахлынувшая ярость придала Валерию ясность мыслительным процессам.

– Убери ствол, придурок, ребёнок спит, – спокойно, вполголоса произнёс Валерий, медленно и осторожно вставая, стараясь не потревожить сон сынишки.

В приглушённом свете ночника просматривался на входе в спальню, вооружённый наизготовку в маске, с автоматом наперевес боец какого-то спецподразделения.

Спустившись под конвоем на первый этаж дома, Валерий увидел, стоящих на обширной кухне, людей в гражданской одежде, которых было не менее двадцати тел, облачён-

ных в серые и чёрные тона гражданской несуразной одежды. В той толпе была одна женщина и четверо, вооружённых автоматами бойцов в масках и чёрных, как смоль форме с надписью СОБР, а на диване, который охраняли эти бойцы, сидели старшие сыновья Владимир и Андрей с непониманием в глазах, что происходит с ними, в их родном доме. Валерий, молча, окинул всех возмущённым гневным взором, и твёрдым голосом, с нотками злости, произнёс:

– Что за цирк в моём доме, и кто вы такие?

– Мы – следственно-оперативная группа главного управления полиции области, а я – подполковник Цепилов. Прибыли к вам произвести обыск, согласно возбуждённому уголовному делу, а вы, Валерий Васильевич, обвиняетесь с вашим близким другом профессором Свиридовым в посягательстве на толерантные ценности передового человечества в нашей стране Эрэфии, а это – есть экстремизм.

– Я с вашими обвинениями не согласен и требую, согласно закону, адвоката и понятых, – грубо и дерзко сказал Валерий, невозмутимо наливая себе крепкий кофе.

– Понятых мы привезли своих, а адвоката вам пока не требуется, – проговорил писклявым скрипучим голоском подполковник Цепилов, и сел за край стола, за которым Валерий, демонстративно медленно, пил кофе, куря сигарету. Следователь достал из чёрной кожаной папки какие-то документы и стал требовать хозяина дома их подписать.

У Валерия Каменного от происходящего страха не было,

была неопиcуемая злoсть, злoсть бeссилия что-либo сделать в этoй ситуaции бeззакoния. Он чёткo и яcнo пoнял: чтo бы он ни скaзaл и не сделал, не имeeт знaчeния для прибывших незвaных визитёров. Они прибывли со своими понятиями, чтoбы сфальсифицирoвать тo, чтo им нeобхoдимo для очернения Вaлeрия и дoрoгoгo, близкoгo eгo сeрдцу и душe чeлoвeкa, прoфeссoрa Свиридoвa, кoтoрый oткрыл для нeгo пpaвду бытия, указaв Рoдoвoй Путь жизни.

Выпустив клубы табачнoгo дымa в сaмoдoвольную харю пoдпoлкoвникa, Вaлeрий спoкoйным гoлoсoм прoизнёс:

– Ни с oдним вaшим дeйствиeм я не сoглaсeн и пoдписывaть вaшe бeззакoниe нe буду.

Слeдoвaтeль Цeпилoв, прoкaшлявшись oт дымa eщё бoлee сипливым гoлoсoм, сбивчивo, прoтaрaтoрил:

– Вaм будeт хужe.... Всeм приступить к oбыску: ищитe всё, чтo мoжeт указывaть нa экстрeмизм.

Сынoвьe Влaдимир и Андрей, видя нeвoзмoдимoсть, гpaничaщую с нaглoстью, свoeгo oтцa, вышли из скoвывaющeгo oцeпeнeния нeпoнимaния и стaли прoявлять свoё вoзмущeниe нa дeйствиe нaлётчикoв. A они, нe oбрaщaя вниmAния нa их выпaды нeгoдoвaния, прoдoлжaли, кaк зaвeдённыe выгрeбaть всё из шкaфoв и ящичкoв, прoсмaтривaя и брoсaя извлeкaемoe нa пoл пoд нoги, прeврaщaя уют дoмa, в пeрeмeшaнныe зaвaлы вeщeй бытa и oдeжды.

Через пoлтoрa чaсa тoтaльнoгo oбыскa нa стoлe пeрeд слeдoвaтeлeм глaвнoгo упрaвлeния пoлиции oблaсти Цeпилo-

вым лежала книга РОДЪА-Родословие к человечеству и ещё несколько учебников о русском языке за авторством профессора и Академика Свиридова, которые жгли своим светом тёмный дух никчёмного человечихи Цепилова, заключившего соглашение с руководством, состряпать уголовное дело при любых обстоятельствах за очередное повышение звания. Он мечтал в своём предпенсионном возрасте покинуть службу полковником.

Несказанный сияющий свет слов книг всё больше и больше разматывал Цепилова, мысли путались, а на лице начали выступать багровые пятна.

Подошедшая к следователю женщина с длинными огненно-рыжими волосами, находившаяся в единственном числе в составе налётчиков, взглянув с ухмылкой на Валерия, масляным вяжущим голосом нараспев обратилась к истекающему потом подполковнику.

– Юрий Сергеевич, давайте упакуем книги профессора Свиридова, как вещественные доказательства.

Цепилов, не выходя из оцепенения, измождённым голосом произнёс:

– Валерий Васильевич, мы изымаем книги профессора Свиридова.

– Я против, – властно и обрывисто сказал Валерий, сделал затяжку и снова, выдыхая дым в посизевшее лицо подполковника, добавил.

– Все эти книги в свободной продаже, купите себе сами,

господа преступники.

Рыжая женщина, которая Валерию показалась очень и очень знакомой, быстрыми, ловкими движениями закатала книги в толстенный полиэтилен и так же ловко погрузила их в толстый холщёвый мешок, не обращая внимания на слова Валерия Каменного, и не дожидаясь распоряжений старшего группы.

Отдышавшись, Цепилов взял в руки протокол обыска и важным голосом сказал:

– Так и запишем, добровольно книги выдать не захотел, оказывая сопротивление.

Суматошная беготня двух десятков человек по дому и подворью не давали Валерию в полной мере сконцентрироваться и выйти за пределы сознания для всеобъемлющей оценки ситуации и связи с Андреем Световитом. Он всё время упирался взглядом в бегающие глаза, вроде, как бы непричастной ни к чему рыжей тётки. Только в конце Валерий понял: именно она скрытно держит в своём управлении всех и блокирует его. Он даже проверил её, смотря на стену и формируя образ, что там что-то спрятано, заставил рыжую, разглядывать это место на стене, но только на несколько десятков секунд, ибо она быстро ощутила обман, злостно сверкнув глазами, удалилась, и больше её Валерий никогда не видел.

Остервеневшие участники налёта, стали спихивать в мешки учебные тетрадки детей, учительские рукописные кон-

спекты и просто чистые листы бумаги со старыми газетами, упаковав таким образом три мешка непонятно каких доказательств.

Когда следователь Цепилов заканчивал последние строки протокола, к нему подошёл один боец из спецподразделения и грубым голосом рявкнул:

– Цепилов, в какую хрень ты нас ввязал, я доложу своему руководству, – и, не дожидаясь ответа, вышел из дома вместе с остальными бойцами в масках.

Сколько бы Валерий не думал, он не мог найти причину налёта полиции на его дом и его детей. Одно радовало, что его добропорядочная супруга в это время была на рабочем совещании в другом городе, и её не коснулось циничное грязное, смрадное и липучее отношение человекообразных существ, исполняющих присягу и приказы тьмы.

Холод металла наручников сдавил запястья рук Валерия, вызывая можжение обескровленных кистей, а за окном тонированных окон автомобиля, мчащегося на полном ходу в Челябинск, вихрились, падая и закрывая серость осени, первые снежинки новой зимы.

Глава 8. Всегда есть выбор для спасения души

...Семён, навалившись на спинку сидения, наблюдал за проносящимся за окном движущегося автомобиля осенним пейзажем, серость которого накрывалась белым чистым снегом.

Он с детства любил первый снег, и, несмотря на свои возраст и суровость характера, радовался снегу так, словно он его видел впервые. Мягкие пушистые снежинки, создавая причудливые переливы света от солнышка, выглядывающего в просвете облаков, всегда в сердце Семёна вызывали неподдельную радость, возвращая его воспоминаниями в беззаботное сказочное детство, прошедшее в могучем государстве, коим гордился каждый от мала до велика – в Союзе Советских Социалистических Республик или, сокращённо говоря СССР, где каждый гражданин, согласно Конституции, был к своим соотечественникам, другом, товарищем и братом.

Семён с детства мечтал быть защитником и воином, для каждого слабого и обиженного. Первое своё боевое крещение он прошёл в дружественном государстве Афганистан, выполняя свой интернациональный долг, защищая мирных граждан молодой республики от нападений империали-

стических врагов, а затем была Африка, ближний Восток и окраина России, Чечня, которая после развала СССР была наводнена наёмными мусульманскими боевиками из разных стран мира. Именно там он впервые был серьёзно ранен. Подлечив подорванное здоровье, не желая покинуть боевой строй, Семён уговорил руководство оставить его на службе, ибо она давала Семёну полноту и радость жизни. Он всегда был горд за то дело, которое он делал.

Руководство ценило Семёна, а боевые товарищи в нём, организовали ему должность руководителя СОБРа при главном следственном управлении полиции Челябинского региона.

В первый день его работы Семёну и его боевой группе, с которыми он ещё толком не успел лично познакомиться, пришла разрядка прикрывать работу подполковника Цепилова, следователя по особо важным делам.

Ночной инструктаж группы перед выездом на боевое задание проводил полковник Юдин, прибывший с управления из Москвы.

«Видимо, всё очень и очень серьёзно», – подумал Семён, заходя в обширный зал с приглушённым светом, где было около двух десятков людей, помимо них, собровцев.

Полковник Юрий Юдин монотонно, без каких-либо эмоций вводил всех прибывших в суть операции.

– ...Сегодня, согласно законам Эрефии, вы будете осуществлять следственные действия, которые направлены

на пресечение преступных помыслов особо опасного гражданина Устюгова Валерия Васильевича, бывшего сотрудника советской милиции, который в идеале владел табельным оружием, неоднократно побеждая в областных ведомственных соревнованиях. Он обучен приёмам самбо, вооружён охотничьим стрелковым оружием, прошёл заочно у Академика Свиридова школу психологического воздействия....

Семён, слушая, думал, как он был не прав, считая своё новое рабочее место тихой гаванью уставшего от боёв корабля. Двухчасовой инструктаж наполнил Семёна неистовой ненавистью к незнакомому ему врагу государства Эрефии, а вот поп, бродивший меж рядов кресел и бормотавший себе под нос о божьем благословении праведных дел, повеселил Семёна, ибо он, насмотревшись не раз смерти в глаза, не верил ни в бога, ни в чёрта, а только в себя и помощь боевых братьев, что нельзя было сказать о его новых подчинённых, которые глядя на попа, богобоязненно крестились и целовали пухлую дряхлую ручонку мужика с плешивой бородой в чёрном женском платье-рясе, когда он приближался вплотную окропить рабов божьих водой...

Переведя взгляд с пейзажей, проносящихся за окном служебного автобуса на конвоируемого в застенки камеры казематов следственного управления, Семён впервые взглянул за время дороги на сельского учителя труда, русского мужика с открытым взглядом, вина которого только и заключалась в чтении незапрещённых книг о русской букве...

Впервые в жизни Семён не радовался первому снегу, на душе скребли кошки, а себя он ощущал бестолковым юнцом, которого обманом заволокли в дремучее болото страхов и вываляли в жидкой, липкой, чёрной грязи лжи.

Видимо ощущая, что кто-то на него смотрит, конвоируемый перевёл взгляд с окна на глаза Семёна, смутив бывалого воина, и он непроизвольно опустил глаза вниз, на синеющие от бескровья пальцы рук задержанного, которые туго были закованы в наручники.

Семён повернул голову к сидящему рядом подчинённому и вполголоса проговорил:

– Сними с мужика наручники, он не опасен, не ровен час руки отвалятся.

Молодой парень, служивший при этой конторе уже не первый год, брезгливо посмотрел на своего нового руководителя подразделения и процедил сквозь зубы.

– Не бойсь начальник, не сдохнет эта вражина, – после чего прикрыл глаза, говоря всем своим видом о своём превосходстве.

Оставшиеся подчинённые, слушая диалог и ехидно шурясь, наблюдали за новым начальничком, ожидая действий с его стороны.

Семён, еле-еле успокоив свой внутренний гнев, повернулся к водителю и, как можно спокойней, сказал:

– Останови, браток, машину, ноги отекли, да и курить хочется.

– Сделаем, командир, – сказала водила преклонного пенсионного возраста.

Машина остановилась в большом дорожном кармане, Семён, оглядев всех, зычно скомандовал.

– Десятиминутный перекур, всем выйти из машины.

– А кто преступника охранять будет? – Выходя, спросил брезгливый сосед по сидению.

– Его тоже касается, – резко ответил Семён.

На выходе из автомобиля, Валерия, молча, остановил руководитель группы и быстрыми ловкими движениями скинул сдавливающие до смертельной боли наручники.

– Сбежит, сам догонять будешь, – прошипел всё тот же молодой боец, видимо неформальный лидер, либо обиженный, что ему не досталась эта должность, подумал Валерий, растирая руки и куря сигарету, которую еле засунул в рот отёкшими руками. Семён в очередной раз усмирил гнев, тихо куря в сторонке от всех, наблюдал за каждым.

Как только задержанный докурил и сам прошёл на своё место в автомобиль, Семён подошёл к своим подчинённым, и, как только мог в состоянии усмирённого гнева, начал спокойно говорить.

– Этот задержанный – простой сельский, русский мужик, а вы, как звери готовы порвать его на куски. Имейте элементарную совесть, он такой же, как мы, житель русских земель. Да не совершил он ничего преступного, что, вы, сами не видели, как оперативники, заготовленные заранее улики,

забрасывали в мешки с макулатурой. Мы на войне с врагами так поскудно не поступали.

Всё тот же мускулистый молодой боец презрительно осмотрел своего начальника с ног до головы и так же презрительно начал свой диалог.

– Не тебе решать: виновен, не виновен. Следствие покажет. И не наше дело это. А насчёт «видели-не видели», совет тебе: молчи, коли деньги платят, а если совестливый такой – вали на хер, на гражданку, в колхозе травку выращивать, а вот то, что ты говоришь, что мы не на войне, так ты совсем ничего не понимаешь.

Впервые в жизни Семён проглотил личное оскорбление двуногого существа, восхвалявшегося без стыда, совести и чести своими злодеяниями, которые он совершал в чёрной форменной маске, пряча лицо от своих сограждан, а законы Эрефийского государства позволяли любое злодейство против многонационального русского народа превращать, почти что в подвиг.

За остаток дороги в осознании Семёна пролетели все события его боевой жизни, где он всегда был друг, товарищ и брат всех обиженных и слабых, им всегда гордились родители и соседи его малой родины, небольшой деревушки Урала, коих раньше в России было несчётное количество.

Приближаясь к Челябинску, Семён решил для себя окончательно и бесповоротно: это его первый и последний день на новой работе, ибо совесть и честь русского офицера с ши-

рокой русской Душой – его единственное личное бесценное богатство.

Под ногами хрустел первый снег, вызывая детскую радость у спешащего домой Семёна, который впервые в своей жизни был вольным человеком, и у которого было всё: дом, любящая жена, сын и дочь, всё, что требовалось для истинного счастья.

Глава 9. Очередное совещание службистов у генерала

... Два месяца пролетели в рутинной пустоте служебной волокиты, налёт на подворье Валерия Каменного и его заточение за металлические решётки каземата следственного изолятора позволили полковнику Юдину создать образ преступного сообщества, возглавляемого профессором Свиридовым на просторах Урала. Всё намеченное в операции под кодовым названием «Наведение морока на букву Ё», в своём начальном этапе, приобрело именно те серые тона красок, как и планировало головное Управление все сильного силового ведомства Эрефийского государства.

– В мелких подробностях, полковник, – вальяжно откинувшись на спинку кресла с подлокотниками резьбы слоновой кости, с придыханием произнёс генерал, выпуская клубы сизого дыма Кубинской сигары.

– На сегодняшний день проведена работа в Уральском регионе, в ходе которой, как и планировалось, были тотально проведены обыски у всех приближённых к профессору людей, и на каждом объекте, где совершены наши налёты, нами изъяты вещественные доказательства различных преступлений, которые мы ранее запланировали. – Довольным голосом докладывал полковник Юдин, который лично на земле

Урала блюдил за операцией.

Очередное совещание по уральскому профессору Свиридову изрядно нервировало генерала Сергея Яковлевича. За всеми пафосными докладами ярко прорисовывалось их паскудство в умении сделать из ничего – всё, что необходимо, чтобы очернить, сломать и спрятать в решётках законов любого, кто вставал на пути гражданского толерантного мироустройства, а вот того профессионализма прошедших былых времён не просматривалось.

Мельчает периферия хорошими деловыми кадрами, да и мы не богаты, молча рассуждал Сергей Яковлевич, слушая Юдина.

Полковник Юдин, после пятнадцатиминутного перечисления, что было предпринято силовыми структурами, прокашлялся и, бросив виноватый скользкий взгляд на генерала, продолжил уже без ноток пафоса свою речь.

– С первых дней следственных мероприятий профессор Свиридов и его подельники забросали заявлениями о преступных действиях наших сотрудников все контролирующие органы, освещая всё на интернет-ресурсах, и это очень и очень ограничило нас в действиях и времени...

Самуил ухмыльнулся, выпустив очередную порцию сизого дыма, и, злорадствуя, подумал, будет повод выколачивать спесь со своих подчинённых, благодаря профессору Свиридову, а то зарываться стали, неравён час забудут псы, кто в доме главный. Личное знакомство в начале сво-

ей карьеры с незаурядным Андреем Свиридовым позволяло Сергею Яковлевичу сразу предположить, что этот русский учёный принесёт кучу хлопот, а чего доброго ещё и засудит самих силовиков. Отлаженный механизм системы судебной инквизиции вращался сам, независимо от находящихся внутри его индивидов, которые независимо от должности были лишь маленькими болтиками и гаечками, и легко менялись в непредвиденных аварийных ситуациях. Только знания: как и за счёт чего вращаются жернова правосудия, — позволяли знающим уходить из-под действия бездушной машины правосудия, но эти знания были сокрыты и спрятаны от всеобщего большинства погонно-мантиевых служителей. Генерал обладал этим знанием и знал, что профессор Свиридов так же владеет этой тайной. Многие могут подумать и думают, что подкуп деньгами и личные связи приостанавливают воздействие закона, но это только имеет место быть в частном порядке, но не в этом случае планетарного масштаба.

Весь мир шатался, в самой Эрефии начинался неуправляемый бардак, который со временем будет в каждой голове, главное вовремя уйти в тень и пожить для себя, прищурив глаза, рассуждал генерал, слушая докладчика.

Аналитический отдел Несистемного института уже изучил всё происходящее на Южном Урале и, загодя, за несколько дней до обширного совещания, представил генералу свои заключения, что и как, и куда далее двигать си-

лы силовиков. Самуил ознакомился с представленным отчётом и был доволен, так что посчитал бубнёж полковника Юдина просто необходимой формальностью и не более, о чём ни Юдин, ни другие руководители служб и не предполагали.

Послать бы всех подальше, да уйти на покой, пожить хоть пару десятков лет под южным солнцем, рассуждал Сергей Яковлевич, слушая Юдина. Да вот только кураторы с металлическими дребезжащими голосами, с симметрично правильными серыми лицами удерживали генерала от таких действий, ибо они решали вопросы жизни и смерти, таких, как он, а спрятаться и скрыться от их всевидящего ока на планете земля ещё никому не удавалось. Раздумья Самуила были прерваны голосом докладчика:

– Господин Генерал, доклад окончен.

Подав корпус тела к столу, Сергей Яковлевич, вдавил остаток недокуренной сигары в пепельницу из черепашьей кости, и, как всегда оглядев всех присутствующих суровым взглядом, начал зачитывать план новых действий операции «Наведение морока на букву Ё».

– Во-первых, снятый штурм ворот на подворье Валерия Каменного смонтировать с видеоматериалами обыска профессора Свиридова и продемонстрировать, как единый фильм о пресечении секты, экстремисткой организации, общественной организации, террористической группы, под предводительством пенсионера Свиридова, и ни в коем слу-

чае не упоминать его научные регалии.

Тексты, сопровождающие видеоряд, должны быть составлены так, чтобы они воздействовали на все социальные группы населения, – отдел пропаганды разберётся. Всё это должно демонстрироваться на всех центральных каналах телевидения, с определённой периодичностью до конца следственных действий. Так же осуществить показ в странах Европы и в Англии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.